

ЗАГЛАВИЕ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОД РОМАНА ДИНЫ РУБИНОЙ "СИНДРОМ ПЕТРУШКИ"

© О.П.Гусева

Семантика заглавия романа Дины Рубиной обладает тенденцией к расширению, которую можно наблюдать на нескольких уровнях: лексико-фразеологическом, грамматическом и метафорическом. Выявление смыслообразующего содержания данного компонента текста и его роли в моделировании структуры романа позволяет говорить об особой значимости заглавия в раскрытии замысла произведения и характера главного героя. Соотнесение балаганного фольклорного персонажа Петрушки, заявленного в заглавии, с образом главного героя позволяет говорить о проблеме двойничества, значимой для этого романа. Заглавие выступает как его структурно-семантический код, зашифрованный в емкой метафоре – "Синдром Петрушки".

Ключевые слова: семантика, мифопоэтика, фольклор, двойничество, метафора.

Обращение к заглавию романа Дины Рубиной "Синдром Петрушки" как важнейшему компоненту организации художественной структуры обусловлено его особой значимостью в раскрытии замысла произведения и характера главного героя. В этом отношении в романе можно обнаружить три взаимодействующих друг с другом и тесно переплетенных пласта: реальный (внешний), в который укладывается линейный ход сюжета – судьба отдельно взятой личности в ее взаимоотношениях с окружающим миром; искусство и творчество, являющие собой неотъемлемую часть жизни героя и реализующиеся через богатство мотивов и образов. Наконец, третий пласт – мифопоэтический, порождающий особую виртуальную реальность героя: "В одинокие ночные часы вдохновений кукольная жизнь вымышленных созданий для него порой реальной "настоящей" жизни" [1].

Ключом к пониманию взаимосвязи этих трех пластов (уровней) является заглавие романа. Оно моделирует художественную структуру произведения, "прошивает" его единой нитью, смыкая уровни между собой и одновременно утверждая невозможность существования героя в единстве этих реальностей.

Заглавие "Синдром Петрушки" содержит целую систему условных обозначений и сигналов, передающих информацию о романе. Лексический (внешний) уровень заглавия представлен фразеологически нечленимым сочетанием, являющимся семантическим кодом к одной из сюжетных линий романа. В ее основе лежит запутанная история родового проклятия, с отголосками которого мы впервые сталкиваемся в начале романа при попытке одной из героинь с точки зрения медицины объяснить загадку рождения неизлечимо больных детей в семействе

Лизы – возлюбленной женщины главного героя: "...там нехороший ген в роду, а это не шутки <...> мать до Лизы родила двоих мальчиков, одного за другим, и оба – с синдромом. <...> Называется синдром Ангельмана или "синдром смеющейся куклы", а еще – "синдром Петрушки". <...> Маска такая на лице, вроде как застывший смех, взрывы внезапного хохота и...слабоумие, само собой..." [2: 32-33]. "Синдром Петрушки" в данном значении предстает как своего рода генетический код, передающийся от поколения к поколению: болезнь (синдром Ангельмана (Энгельмана)), основные симптомы и проявления которой "придают больным сходство с заводной куклой" [3: 501].

Грамматически доминирующую позицию в заглавии занимает слово "синдром", хотя применительно к характеру и судьбе главного героя заголовков важен в своем нерасторжимом единстве. Словарь С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой дает следующее толкование данного слова: "Синдром – (спец.) сочетание симптомов, характерных для какого-нибудь заболевания" [4: 707]. Специализированная справочная медицинская литература углубляет круг его значений: "Синдром (греч. syndrome – стечение, скопление) – устойчивая совокупность ряда симптомов с единым патогенезом. Синдром может составлять клиническую картину всей болезни или части ее, будучи при этом проявлением патологии одной системы или органа <...>. Иногда термин "синдром" употребляют как синоним болезни..." [5: 266]. Немаловажное значение при толковании данного термина имеют его специфические признаки: устойчивость и закономерность возникновения.

"Синдром" – вот, пожалуй, наиболее верное и точное обозначение состояния главного героя романа. Петр – обладатель творческой профес-

сии – кукловод, волей судьбы *избранный* или *обреченный* на кукольное дело, посвятивший ему всего себя и невольно приносящий других в жертву своего гения. Все в характере и судьбе героя говорит о том, что выбор творческого пути был ему предопределен. Предрасположенность Петра к искусству во многом объясняют "шебутные отцовы" [2: 106] и материнские гены (мать закончила прикладное отделение Львовского художественного училища), талантливый, зачарованный и одержимый своим делом учитель – Казимир Матвеевич, "чей нюх натаскан на тусклый чарующий запах инобытия" [2: 113]. Большую роль в формировании профессиональных предпочтений юного Пети сыграло его окружение: богатство типажей (Ромка, Бася, Сильва, Лиза и др.), яркими чертами которых в будущем талантливый кукольник наградил своих марионеток.

Огромное значение имеет и специфика становления личности Петра: "он с малых лет был дьявольски скрытен, вернее просто герметичен в своих чувствах" [2: 33]. Свойственный ребенку аутизм проявлялся в эмоциональном и поведенческом отторжении от реальности, "погружении в себя", молчаливости, нерешительности. Изменение данного состояния было возможным лишь при обращении к кукле, путем выражения себя через нее. Воздействие куклы на "процесс самосознания и формирования "я"" [6: 37] привело к преодолению аутизма, но в пользу глубинного эгоцентризма. Кукольный мир начал вращаться для Петра вокруг единственно возможной оси – собственного сознания. Проекция этой виртуальной реальности на существующую действительность вылилась в особое свойство личности – преломлять все явления окружающего мира, исходя из собственных индивидуальных ценностей и потребностей.

Значимую роль в решающем повороте судьбы героя сыграло и его имя, позволяющее сопоставить Петра с легендарным фольклорным персонажем, образ которого будет рассмотрен далее.

Одержимое состояние центрального героя проявляет парадоксальную устойчивость: детская привязанность к кукле-младенцу, сохранившаяся на протяжении всей жизни; создание марионетки Эллис в качестве дубликата живого человека, укрывание куклы, ложь и обман во имя продолжения дела и "танец одинокого безумца" [2: 426], венчающий эпилог. В финале, несмотря на установление благотворных семейных отношений, выявляется кажущееся разрешение проблемы двоящейся реальности в сознании Петра, мы видим невозможность отказа от творчества. Обостренное состояние героя достигает своего апогея в сладостной мысли о самоубийстве.

Одержимость куклами действительно близка признакам синдрома, косвенное влияние которого так или иначе испытывают на себе все персонажи, окружающие Петра.

Важное значение в раскрытии авторского замысла имеет и исконный, дословный перевод термина "синдром": *syndrome* – "стечение", "скопление" [5: 266], намекающий на фатальность всех вышеперечисленных обстоятельств. В герое скопился такой громадный творческий потенциал, что это не могло не привести носителя феноменальных способностей в сферу искусства. Жизнь Петра – стечение событий, раз за разом подтверждающее неизбежность его выбора, неотвратимость судьбы, ее предопределенность таинственной силой. Но что это за таинственная сила, управляющая судьбой героя? Кто его Кукловод? Невозможность найти ответ и составляет одну из причин трагизма личности Петра: "Человек Творящий не знает, у кого он на службе. Он знает лишь, что пожизненно приговорен, – жизнь реальная и "кукольная" для него дwoятся, и порой он с трудом различает их" [1]. Мотив двоящейся реальности неотступно сопровождает творческую личность в ее взаимоотношениях с миром, служит испытанием на прочность, утверждающим незыблемые законы устройства бытия.

Огромный семантический пласт влечет за собой указание в заглавии на Петрушку. Главный герой романа Петр Уксусов – тезка фольклорного Петрушки, образ которого закреплен традицией. Истоки данного образа в народном театре. Петрушка – неунывающий "герой балаганной, праздничной, уличной культуры" [7: 23], герой у которого "нет возраста, социальной или сословной принадлежности: он просто Петрушка, которому все дозволено и который вопреки всему, даже собственной смерти, оживает всякий раз в начале следующего представления" [7: 24]. "Степень обобщенности и условности в образе Петрушки гораздо больше, вот почему он так резко отличается, противопоставлен всем героям даже внешне: часто он гораздо больше других кукол по размеру, носит нередко особую, не опирающуюся на бытовые реалии одежду, невероятно носат, к тому же горбат (в отдельных случаях с двух сторон), наконец, обладает собственным, "нечеловеческим" голосом. Генетически эту особенность Петрушки объясняет также и его возможная первоначальная связь с нечистой силой..." [8: 130]. Внешность фольклорного героя имеет традиционные типические черты: "элементы одежды европейского шута (остроконечный колпак с колокольчиками, цветные лоскутки на кафтане и т.п.), выступающий подбородок, длинный нос и горб или даже два горба (спереди

и сзади)" [9: 146]; "рот до ушей, одно плечо выше другого, коротенькие неуклюжие ручки, нечеловеческой пронзительности голос" [7: 24].

Соотнести фольклорного персонажа и главного героя романа представляется возможным по ряду причин. Во-первых, как уже отмечалось выше, свидетельством этого становится совпадение имени. Причем форма имени Петруша, Петрушка по отношению к герою употребляется в романе наряду с привычным – Петя, Петька. Часто сам герой отождествляет себя с кукольным персонажем: "Браво, Петрушка!" [2: 22]; "лежи, лежи, Петрушка, лежи смирно, и когда-нибудь тебе воздастся, старый олух" [2: 24]; "я ж и сам Петрушка" [2: 46].

Во-вторых, черты внешности Петра обнаруживают совпадения с типичной внешностью фольклорного персонажа. Портрет-впечатление, знаменующий первое знакомство читателя с героем, подчеркивает это совпадение: "Голос – шипящий свист – раздавался не из бабкиного рта, а откуда-то... <...>. За спиной сидел странный дяденька, похожий на индейца: впалые щеки, орлиный нос, вытянутый подбородок, косичка на воротнике куртки. Самыми странными были глаза: цвета густого тумана..." [2: 9]. Внешность кукольника столь колоритна, что, по словам профессора Ратта – коллекционера и знатока кукольного дела, ему самому можно было бы "играть Петрушку, божественного трикстера!" [2: 261]. Сходство между центральным персонажем и балаганным плутом столь очевидно, что у юного Петра вызывает отторжение: "не хочу я им быть" [2: 118]. Происходит психологический отказ от роли ведомого, желание выйти из повиновения, взяв на себя миссию творца. Но эта судьбоносная метка не позволяет распрощаться с образом-двойником: "мальчик неожиданно ощутил горячую сквозную волну, что прокатилась от самого его плеча и до деревянной головы Петрушки, словно они были связаны единой веной, по которой бежала общая кровь" [2: 117]. "Кукла в мире художников-кукольников... – творение человека, ее бытие определяется творцом-демиургом, но при этом кукла сама выбирает себе творца-родителя, тем самым управляя его судьбой (мотив избранничества художника, он – посредник, через которого выражается заключенная в творении (кукле) внутренняя "сила"). Творение – образ и подобие творца (мотив мистического сходства куклы с мастером-изготовителем в фольклоре кукольников)" [10]. Таким образом, герой оказывается в зависимости не только от Главного Кукольника, но и от созданных им же марионеток. Он "трикстер не под своей волей" [2: 119].

В-третьих, обладатель примечательного облика уже с первых страниц и на протяжении всего романа сравнивается с куклой: "Нацепив на орлиный нос круглую металлическую оправу, что сразу придало его облику нарочитое сходство с каким-то кукольным персонажем, он ребром ногтя натянул на клавиатуре номер..." [2: 11]; "...позади он: с жесткими, как вага, сутулыми плечами и скованной походкой, смахивающий на марионетку больше, чем все его куклы, вместе взятые" [2: 30].

В-четвертых, обладатель "таинственной уробной способности" [2: 13] – дара чревовещания, виртуозный кукловод обнаруживает в себе демоническое начало, на которое не раз обращают наше внимание и окружающие его люди (Лиза считала его способность чревовещания бесовской [2: 13]) и повествователь: "Он вынырнул из снежной мельтешни – маг? дьявол? – в распахнутой куртке – белая грудь с черной бабочкой. На руках он нес невесомую душу, спящую девочку, завернутую в покрывало" [2: 399]; "...Петька хохотал, как дьявол..." [2: 57]. Двойственность кукольного ремесла не раз обыгрывается в романе, обнаруживая в себе то божественное, то дьявольское начало.

Наконец, в-пятых, в романе Петру, как в театре, отведена главная роль, он личность исключительная, находящаяся в особых отношениях с миром и окружающими людьми.

Однако в отличие от кукольного персонажа герой романа – личность трагическая, так как обречен как художник (поэт) на творчество Высшим Промыслом. В характере и судьбе Петра нашел свое воплощение его собственный тезис о кукольном деле: "искусство оживления кукол по природе своей может быть только трагикомичным" [2: 50]. Образ Петрушки, сопровождающий героя на протяжении всей жизни, – комический двойник трагической личности.

Петр – уникальное явление в своей профессии: маска не скрывает, а раскрывает его истинный облик – невысокого роста, несуразный, с туманным взглядом "волчьих глаз" [2: 43], косноязычный в бытовом разговоре, он становился "красавцем" – стройным, высоким, остроумным словотворцем – стоило лишь обратиться к любимому делу. Настоящее лицо Петра вместо "отчужденной маски" [2: 43], по мнению его лучшего друга, можно было увидеть только, если "всучить ему в руки какую-нибудь куклу" [2: 43].

Помимо главного персонажа в романе обитает немислимое число кукол-Петрушек, соотносимых с традиционным фольклорным образом, который выступает в романе как своего рода то-темом, сопровождающим героя на протяжении

жизненного пути, помогающим ему разгадать тайну родового проклятия и не дающим ему ни на секунду забыть о своем статусе "божьей марионетки" [2: 127].

Особую семантическую нагрузку несет образ Петрушки-младенца внутри куклы Корчмаря, оказавшийся существом женского пола. Гендерный аспект при этом очень важен. Фольклору известны традиции, подразумевающие "употребление кукол в качестве предметов-заместителей в лечебных магических практиках" [6: 44]. В данном случае подчеркнутая половая принадлежность куклы является центральным объектом ворожбы, способной повлиять на судьбу целого рода.

В контексте всего вышесказанного заглавие романа можно трактовать следующим образом: "Синдром Петрушки" – это проекция на характер, судьбу и состояние главного героя, подразумевающее крайнюю степень одержимости творчеством; это метафора "зачарованности куклами, какой-то обезумелой погруженности, безжалостной... тиранической влюбленности в ирреальное пространство кукольного мира" [2: 39]. Значение данной метафоры имеет двойственный характер. С одной стороны, "Синдром Петрушки" для героя – это наивысшая степень ущербности по отношению к окружающей действительности, невозможность вписаться в существующую реальность, адаптироваться к жизни, невозможность обосноваться за пределами кукольного пространства, с другой – таинственная сопричастность иному миру, притягательная возможность заглянуть за грань неизвестного, пусть даже с большой вероятностью там и остаться. Синдром для героя – это своеобразная метка, выделяющая исключительную личность в ряду других, определяющая ее предназначение и обрекающая на неразрешимое положение на грани обыденного и сакрального миров, "между раем и преисподней" [11].

Таким образом, заглавие романа "Синдром Петрушки" моделирует художественную структуру произведения, взаимодействуя со всеми его уровнями, наполняет содержание романа более сложной семантикой, приобретает метафориче-

скую образность, выражает авторскую идею: "глубинное исследование психологии артиста и его близких, анатомии страсти и одержимости" [11], что позволяет рассматривать заглавие как концептуальный стержень всего романа.

*****

1. *Нудельман Р.* Так похожи на людей // URL: <http://www.dinarubina.com/critique/index.html> (дата обращения 25.05.2011).
2. *Рубина Д.* Синдром Петрушки: роман. – М.: Эксмо, 2010. – 427 с.
3. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / под ред. С.Ю.Циркина. – СПб.: Питер, 2000. – 750 с.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 928 с.
5. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / под ред. Б.В.Петровского – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – Т.23. – 544 с.
6. *Морозов И.А.* Феномен куклы и проблема двойничества (в контексте идеологии антропоморфизма) // Живая кукла: сб. ст. – М.: РГГУ, 2009. – С.11-74.
7. *Некрылова А.Ф.* Куклы и Петербург // Кукольные в Петербурге: сб. ст. – СПб.: СПАТИ, 1995. – С.7-26.
8. *Некрылова А.Ф.* Сценические особенности русского народного кукольного театра "Петрушка" // Народный театр: сб. ст. – Л.: Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии, 1974. – С.121-140.
9. *Некрылова А.Ф.* Из истории формирования русской народной кукольной комедии "Петрушка" // В профессиональной школе кукольника: сб. науч. тр. – Л.: ЛГИТМиК, 1979. – С.137-147.
10. *Ефимова Е.С.* Былички о живой кукле в фольклоре артистов-кукольников: матер. конф. "Живая кукла", проведенной ин-том высш. гуманитар. исследований РГГУ в ноябре 2002 г.: тез. доклад. // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/dolls_thesis.htm (дата обращения 25.05.2011).
11. *Данилов Ю.* "Синдром Петрушки" Дины Рубиной: между раем и преисподней // URL: <http://culturavrn.ru/page/2795.shtml> (дата обращения 25.05.2011).

A TITLE AS A STRUCTURAL AND SEMANTIC CODE OF PUNCH SYNDROME BY DINA RUBINA

O.P.Guseva

The title semantics of Dina Rubina's novel has a tendency to broadening, which can be observed on such levels as lexical and phraseological levels, a grammar level and a metaphorical level. The revelation of sense-forming content of the text component and its function in designing a novel structure give a special importance of a title in showing the meaning and temper of the main character. Correlation of Punch (a folk character whose name is used in the title) with the image of the main character raises a doppelganger

problem in the article. The title of this novel acts as its semantic code, which codifies in a capacious metaphor "Punch syndrome".

Key words: semantics, mythopoetics, folklore, doppelganger, metaphor.

* * * * *

Гусева Ольга Павловна – аспирант кафедры литературы Ульяновского педагогического университета им.И.Н.Ульянова.

E-mail: knjaginja-olga@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.05.2011